

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья
УДК 800.872/2+802.0+808.2
doi: 10.17223/19986645/87/1

Символическая семантика обрядового слова: особенности лексикографического описания

Татьяна Борисовна Банкова¹, Дарья Александровна Тараканова²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *tatabank@mail.ru*

² *dashnik@mail.ru*

Аннотация. Изучена специфика функционирования лексических обрядовых единиц с символической семантикой, определены способы ее актуализации и презентации в диалектных высказываниях. Показано, как строится лингвокультурологический комментарий лексической единицы, содержащей символический компонент. Рассмотрены механизмы определения семантики слова как символической, установлена процедура ее обозначения при лексикографировании. На конкретных примерах продемонстрирована технология лингвокультурологического комментирования обрядового слова-символа, помещенного в Словарь.

Ключевые слова: сакральное ядро культуры, диалектный язык, традиционная культура, свадебный обряд, обрядовое слово, символическая семантика обрядового слова, лингвокультурологический словарь, специфика лексикографического описания символической семантики

Для цитирования: Банкова Т.Б., Тараканова Д.А. Символическая семантика обрядового слова: особенности лексикографического описания // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 87. С. 5–22. doi: 10.17223/19986645/87/1

Original article
doi: 10.17223/19986645/87/1

Symbolic semantics of the ritual word: Features of a lexicographic description

Tatiana B. Bankova¹, Daria A. Tarakanova²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *tatabank@mail.ru*

² *dashnik@mail.ru*

Abstract. National tradition has developed a way of fixing and preserving information about the world in the form of an immanent symbol system capable of holding entire cultural texts. The material world involved in symbol creation was endowed with a sacred content. The collective's universal rites, which include the wedding, preserve

the culture's ethnic integrity. The wedding ceremony is one of the components of the sacred core of culture. The actualization of the symbolic content of the wedding tradition is obligatory. The language code of the rite includes units of different levels; the main load falls on the lexical layer. Ritual words construct the sacred meaning of the ritual; they contain a group of lexemes, the meaning of which develops to the level of the abstract that translates the idea of the peasant collective about the existential world order. These words are the result of their semantics' translation from profane to existential, and its completion is fixed by the presence of a symbolic component in the meaning of the word. The aim of the study is to determine the procedure for fixing the symbolic semantics of ritual units in a dialect dictionary of a linguoculturological type, which is the Dictionary of the Siberian Wedding Rite. The work is based on the dialects of the Middle Ob region, which objectify the local version of the Siberian wedding tradition. The study focused on ritual words – culturally marked dialect units that are a fact of the living dialect communication of speakers of Middle Ob dialects. The form of representation of ritual words is a linguocultural commentary, which fixes and manifests the symbolic meaning of lexical units relevant for the linguocultural community in the zone of interpretation. The content parts of the commentary are extracted from the speech practice of dialect speakers – statements expressing the symbolic meaning of the dialect word. To implement the idea, the lexicographic method and the method of linguoculturological commenting or interpretation were employed. In the course of the study, the use of markers fixing the symbolic semantics of lexemes in the Dictionary of the Siberian Wedding Rite was comprehended. Facts were demonstrated based on which markers “symbol” and “symbolizes” appear in the comments. As a rule, “symbol” is used when describing the semantics of a lexical unit nominating objects involved in the rite, while “symbolizes” in commentaries of adjectives and verbs. Symbolic words also include units from the folklore repertoire of the wedding ceremony. The lexicography of ritual words that have a symbolic component of semantics reveals the problem of its adequate representation in dictionaries of a linguoculturological type. In the Dictionary of the Siberian Wedding Rite, to represent the semantics of symbolic words, only the live speech of peasants, residents of a large territory of the Middle Ob region, is used, which quantitatively confirms the existence of a sacred core of culture, actualized in the collective's linguistic existence.

Keywords: sacred core of culture, dialect language, traditional culture, wedding ceremony, ritual word, symbolic semantics of ritual word, linguoculturological dictionary, specificity of lexicographic description of symbolic semantics

For citation: Bankova, T.B. & Tarakanova, D.A. (2024) Symbolic semantics of the ritual word: Features of a lexicographic description. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 87. pp. 5–22. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/87/1

Современная гуманитарная научная мысль последовательно фиксирует изменения традиционной культуры, связывая преобразования исключительно с ее разрушением под натиском цивилизационных изменений. Подобная трансформация вполне естественна и неизбежна, но существуют объективные факты, доказывающие наличие межпоколенной преемственности некоторых составляющих культурного базиса, что подтверждает его устойчивость и неизменность. Изучение этих свидетельств позволяет обнаружить мировоззренческую основу культуры, называемую в современной гуманитаристике сакральным ядром (Л.И. Гекман, Ю.М. Лотман, В. Найдыш и др.).

Многовековая народная традиция выработала особый способ фиксации и хранения информации о мире в форме имманентной системы символов, способной удерживать целые культурные тексты, а материальный мир, вовлеченный в акт символотворения, наделялся духовным, сакральным содержанием. Универсальные обряды коллектива, к которым относится свадьба, призваны были сохранить этническую целостность культуры посредством включения охранных механизмов, одним из которых является неперенная актуализация символического содержания брачной традиции. Свадебный обряд, воспроизводимый с соблюдением установленных коллективом прескрипций, один из компонентов сакрального ядра культуры. Его реализуют единицы различных кодовых систем. Языковой код, обслуживающий обряд, включает единицы разных уровней, основная же нагрузка приходится на лексический пласт¹.

Настоящая работа выполнена на материале говоров Среднего Приобья, объективирующих локальный вариант сибирской свадебной традиции. Исследование сосредоточено на обрядовых словах – культурно маркированных диалектных единицах, представляющих собой факт живой диалектной коммуникации носителей среднеобских говоров. Под обрядовым словом понимается лексическая единица, имеющая не профанную (бытовую), а сакральную (бытийную) функцию и репрезентирующая обрядовое существование коллектива².

Цель исследования – определить процедуру фиксирования символической семантики обрядовых единиц в диалектном словаре лингвокультурологического типа, каким является «Словарь сибирского свадебного обряда».

Обрядовые слова конструируют сакральный смысл ритуала, в их составе выделяется группа лексем, значение которых развивается до уровня абстрактного, архетипического, транслирующего представление крестьянского коллектива о бытийном мироустройстве. Эти единицы являются результатом процесса перевода их семантики из бытовой в бытийную, завершение которого фиксируется наличием символического компонента в значении слова [3. С. 4]. Он последовательно проявляется в акте описания обряда, начинает доминировать в структуре значения лексемы (оттесняет денотативный) и является базой для формирования семантики слова-символа, которое становится двуплановым, так как оно «участвует как в собственно языковой, так и в культурной коммуникации» [4. С. 108]. В лексической системе семейных обрядов это единицы, «лежащие в основе типовых представлений об окружающем человека мире и образующие особую систему условных значений вещественных знаков, что позволяет описать явления общественной жизни в условных и отвлеченных формах, принадлежащих коллективному сознанию (определенной культуры, социума) и являющихся общеизвестными для всех носителей языка» [5. С. 108].

¹ О лексических единицах, актуализирующих свадебный обряд, см. подробнее в [1].

² Статус обрядового слова рассмотрен в [2].

Современная лингвистическая парадигма актуализирует систему подходов и инструментов анализа, опирающуюся на идеи Ю.М. Лотмана, которые позволяют выявить символический компонент в семантике слова. Его размышления о целостности культуры прямо указывают на существование набора национальных культурных символов, способствующих ее единству: «Пронизывающие диахронию культуры константные наборы символов в значительной мере берут на себя функцию механизмов единства: осуществляя память культуры о себе, они не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты. Единство основного набора доминирующих символов и длительность их культурной жизни в значительной мере определяют национальные и ареальные границы культур» [6. С. 12].

Константный реестр символов культуры, предложенный Ю.М. Лотманом, побуждает к представлению их и в лексикографическом формате.

Уже авторы фундаментального труда «Славянские древности» объясняют обращение к жанру словаря «аналогией с языком в самом понимании объекта как «языка» культуры (в семиотическом смысле слова), а выделение в отдельные статьи единиц (символов) – как «слов» этого языка. Из этих «слов» составляются многообразные по содержанию и жанру культурные тексты» [7. С. 5]. «Славянские древности» – «первый в славистике опыт энциклопедического словаря традиционной духовной культуры всех славянских народов» [7. С. 5].

Несомненной лексикографической удачей описания символики локальной культуры можно считать работу, посвященную свадебной терминологии в говорах Северного Прикамья [8]. Явным научным прорывом составителей Словаря является выделение в самостоятельную часть «Справочника свадебной символики Северного Прикамья». Авторы лексикографического исследования подчеркивают, что при описании локальной символосферы ориентировались на подходы, апробированные в «Славянских древностях», и считают, что «набор символов и символических структур следует понимать как специфический язык традиционной культуры, а его список может быть рассмотрен как своеобразный «лексикон» народной культуры» [8. С.190].

Сложившийся уровень диалектной лексикографии предъявляет к современному словарю требование максимального представления информации о слове¹. Стремление ученых закрепить за словом как можно больше сведений о локальной культуре приводит к расширению толкования, введению параллельного комментария [10], или он становится формой представления семантики лексической единицы [11]. Использование такого способа изъяснения в зоне словотолкования дает возможность увеличить информационный объем словарной статьи и разносторонне показать бытование диалектного слова. Это в полной мере относится к словам-символам диалектной

¹ Например, в «Словаре русских говоров Кузбасса (с дополнением)» авторы в Дополнении к словарю, изданному еще в 1976 г., в толковании лексемы сознательно добавляют «элементы энциклопедизма» [9. С. 237].

культуры, вовлеченным в репрезентацию свадебного обряда: «Слова-символы выражают культурную значимость при употреблении в ритуальных и ритуализованных ситуациях. Культурная значимость слова выражается через его символические значения, при реализации которых культурная значимость соотносится с базовой интенцией данной культуры» [12. С. 12].

Обратимся к опыту лексикографирования слов-символов, бытующих в ритуальных ситуациях, – «Справочнику свадебной символики Северного Прикамья» [8]. Авторы отмечают, что описание символического материала «оказывается объективно сложной процедурой: природе символа, как известно, свойственно соединение противоположных начал и семантическая неопределенность» [8. С. 193], поэтому, как считают ученые, культурная семантика слова может быть подана описательно. Составители вычленили символы изобилия, блага, девичества, уничтожения и жертвования, переходности, защитительные и эротические [8. С. 193], что, по их мнению, является характеристикой их культурных значений. На этой основе осуществляется семантизация слова-символа – «дается как указание на обереговый, продуцирующий, медиативный (или соединительный) смысл, а также через соотнесение с его функцией в других обрядовых формах» [8. С. 195].

Отметим специфику иллюстрирования слова-символа в этом Словаре. Во-первых, указывается его обрядовое применение; во-вторых, приводятся типичные ситуации, в которых реализуется его символический потенциал. Например, **ВАЛЕНОК**. Как и вообще обувь, валенки способны символизировать движение и даже жизнь, жизненную силу. В качестве иносказания и одновременно оберега валенок нередко применялся в знак этикетного отказа сватам («всяко бывает, вот девка не захочет замуж-то идти, сватам валенок за ворота выкинет» – *Караг.*). Этот же смысл очевиден и в обыкновении идти свататься в валенках даже летом (*Черд.*) [8. С. 205].

Резюмируем. В представлении символа авторы руководствуются приемами научного описания, ориентируясь на авторитет составителей этнолингвистического словаря «Славянские древности» в части толкования значения символа. Естественно, что эту часть невозможно проиллюстрировать диалектной речью, но вот факт использования слова-символа в качестве знака отказа актуализируется в высказываниях, так как в этом фрагменте передается опыт языкового коллектива, о чем свидетельствуют контексты, сопровождающие словарную статью.

Лексикографирование диалектных лексических единиц – обрядовых слов, имеющих символический компонент семантики, обнаруживает проблему его адекватного представления и в «Словаре сибирского свадебного обряда», лингвокультурологического по типу.

Принципиальное отличие нашей работы от упомянутых выше – привлечение для представления семантики слов-символов исключительно живой речи крестьян, жителей большой территории Среднего Приобья. Количество имеющегося материала, где реализуется символическая семантика обрядового слова, подтверждает существование сакрального ядра культуры, актуализированного в языковом существовании коллектива.

В материалах «Словаря сибирского свадебного обряда» широко представлены единицы, имеющие символическое значение, под которым понимается «семему (объединение семем) с бинарной структурой, включающей перцептивный образ, доступный для непосредственного чувственного восприятия, и отвлеченное (неопределенное) содержание, связанное с эмоционально-нравственными, духовными, культурными категориями» [4. С. 111].

Форма представления обрядовых слов в Словаре – лингвокультурологический комментарий, который фиксирует и проявляет в зоне толкования культуроспецифическое значение лексических единиц, релевантное для лингвокультурной общности. Задача комментария – проявить культурный коннотативный компонент значения лексической единицы. Его содержательные части извлекаются из речевой практики диалектоносителей, где реализуется культурное значение (в том числе и символическое) диалектного слова¹.

Для представления символической семантики в описании лексемы в Словаре используются маркеры «символ» и «символизирует».

Маркером «символ»² снабжен лингвокультурологический комментарий единиц, номинаций предметов (или их частей), являющихся обязательными атрибутами свадьбы.

Рассмотрим, на основании каких речевых фактов строится комментарий лексической единицы Словаря, наделенной символической семантикой. Например, лексема *сундук* обозначает обязательный атрибут свадебного обряда. Ее бытовое значение реализуется в профанном контексте: ‘большой ящик с крышкой и замком для хранения вещей, ценностей’: *Сундук – для хранения. Вещи хранили каки. Комод ешо есть. Так в ём три яшишка воткнуты. А сундук кто железом обивает, кто просто краской покрасят её; Сходит муж, выпьет, да мимо сядет сундука-то* (ВС. Т. 5. С. 426).

Обрядовое значение лексемы *сундук* реализуется следующим образом:

1) ‘часть приданого невесты или его вместилище’: *Когда невесту берут – придано готово. Он к жениху это придано везет – раньше чё в приданом было? Сундуки разны: подушки, перины* (ВС. Т. 5. С. 426); *Приданое если сготовить, дак сундуки набить надыть было* (Том. Зыр.); *Раньше же женищину готовили, девочку чтоб прясть, ткать, вот чтоб она умела, которую готовили. Девочка как ешь, её уже начинают готовить сразу к замужжеству. Такие ящики, сундуки были, чтоб он там полный, набитый был. Всё, что нужно, приданое ей. Она сама умела* (Том. Пар.); [А как замуж выдавали?] *Покаместь не сватают, холсты себе наделают, сундуков. Просватали её, тогда уж в последний день девки ходют, помогают ей шить, вышивать* (Том. Том.);

¹ Подробнее о том, как выстраивается лингвокультурологический комментарий обрядовых слов, подробнее см. в [13].

² В тексте Словаря фигурирует сокращение – С., в настоящей работе для облегчения чтения в скобках слово дается полностью.

2) 'показатель богатства, состоятельности невесты или ее семьи': *Счас каки придано. Счас знаете, каки придано. Деньги накидают, да сразу тут всё накидают, и мебель, и всё, а тогда – яшишки вот таки вот [показывает], постель, подушки, постель и сундук большой, вот и везут. Когда привозят, всегда смотрят, о, сколько приданого, и там узлов сколько, ну там подушки. Котора бедна, котора богата* (Том. Том.); *Девка замуж выйдет, так надо, чтобы у неё были холсты. А то мужику её портянок не будет. Вот богатая невеста, полный сундук холста* (Том. Колп.);

3) 'свидетельство о достижении девушки брачного возраста': *Тебе, Саша, в девках недолго сидеть, тебе сундук надоть готовить, жениха искать* (Том. Том.); *Приданое готовилось: подрастёт девка, покупают ей сундук* (Том. Пар.).

Таким образом, в рамках свадебного обряда лексическая единица *сундук* номинирует не предмет для хранения вещей, а вместилище приданого, которое готовится заранее и свидетельствует о материальном благосостоянии невесты и ее семьи, а также о достижении девушкой брачного возраста. Именно два последних значения объективируют символический компонент, потому что к лексеме *сундук* в материальных реализациях, номинирующих предмет обихода, имеют имплицитное отношение.

На основании выявленных компонентов строится лингвокультурологический комментарий, демонстрирующий также и символическую семантику: **СУНДУК**. Большой ящик с крышкой и замком для хранения вещей, ценностей. Часть приданого или его вместилище. Демонстрация сундука с *приданным* является важным этапом обряда. С. (= символ) достижения девушкой брачного возраста. Его размер – С. (= символ) материального благосостояния невесты и ее семьи¹.

Наряду с предметно-атрибутивным наполнением свадебного обряда есть собственно абстрактные номинации типа **ПРИДАНОЕ, ПРИДАНОЕ, ПРИДАНЫ**². Имущество, деньги, даваемые родителями невесты при вступлении в брак. – *Счас как свадьба пройдет, наложат приданого; Свадьбу гуляли по неделе. Девки, старухи готовили приданое, соберут и везут к жениху, там гуляют и пьют; А этот богатый дядечка дал маме корову. Как в приданое, ага. Вот с этого и начали жить; Приданое везут после; Какие приданы, надо обязательно посмотреть* (ВС. Т. 5. С. 368). Отметим, что в толковании лексической единицы в «Вершининском словаре» полного типа проявлены компоненты: 'имущество, деньги', а также 'родители', которые обеспечивают содержимое *приданого*. Но иллюстрации словарной статьи актуализируют информацию еще и о том, что 1) подготовка *приданого* ведется заранее; 2) в

¹ Заметим, что авторы «Этнолингвистического словаря свадебной терминологии Северного Прикамья» [8] не помещают *сундук* в состав словаря, таким образом, по их мнению, единица не относится к свадебной терминологии и не имеет символического компонента значения.

² Лексикографическая разработка слова представлена в [14], в настоящей статье – итоги анализа материалов, полученных в результате дополнительных изысканий.

его формировании участвуют приглашенные люди; 3) его обеспечивают не только родители, но и родственники невесты; 4) входящее в *приданое* имущество осматривают; 5) указывается время его транспортировки; 6) *приданое* является материальной основой начала жизни в браке.

Материалы, имеющиеся в распоряжении составителя «Словаря сибирского свадебного обряда», позволяют уточнить и значительно расширить значение обрядовой лексики через детализацию ее культурной семантики по сравнению с данными, интерпретированными в [14].

Это проявилось при лексикографировании в следующем:

1. Широко представлены сведения о том, какое имущество обязательно составляло *приданое* (*придано, приданы*). В него входит самое необходимое для начала семейной жизни:

1) предметы одежды, столовые и постельные принадлежности и пр.: *В Мохинский был магазин. Купила на платье. Надо придано завезть: наволочку тикову, постельку, исподняя холщова, сверху тикова наволочка. Придано две подушки и постеля, полотенцы двенадцать было* (Том. В.-Кет.); *Ну, приданое, и щас ящик стоит тот. Всё было, всё равно и подушки давали две мама, помню, и постельное, и даже, чтоб прийти там к им, шторы, что обшэм, всё помаленьку, всё было* (Том. Шег.);

2) домашняя живность: *Когда высватают, это рукобитье было. Невесту продавали подруги, выкуп назывался. Когда рукобитье прошло, дарят жениха платком. Тёлку, курицу дают невесте, приданое называлось* (Кем. Мар.); *Невесте дают в приданое корову, коня, овец, из одёжи всё хорошее, постелью, перину, матрасы городские, дерюжку хошову, обойку, занавес, подушки, две или три, наволочки с кружевами, одеяла, платья, у меня вного было, платтев двенадцать, скатертей восемь-девять штук, хорошие, купленные, полотенцев, руkotерники, утиральники, большие десятку, расшиты с кружевами, с вышивкой, два жакета, сак с воротником – городской, дипломат городской – пуговики в два ряда* (Том. Том.);

3) деньги: *В приданое тогда давали невесте скотину, посуду, деньгами, товары. Сама-то делает рукавицы, исподки, ченбары рабочие, опояски, даже наквашенник делала себе. Матрасы, полога – палатки щас называют* (Том. Зыр.).

2. Подчеркивается факт подготовки приданого невестой самостоятельно в течение длительного времени: *Приданое, узлом было связано: матрас специально мать купила новый, я помню специально заказывали частнику – сшили одеяло... красное одеяло было* (Том. Пар.); *А ещё раньше, как наши родители, дак у их готовили специально, и вышивали, и шили, и вязали кружева, приданое, чтоб приданое должна была невестина этого, жениховой там золовке жениховой, сёстрам, родителям чё-то дарили, как рассказывают, всё готовили много приданого* (Том. Том.); *Должна невеста [приготовить] какое приданое. Вот если бедная невеста, она должна себе постель приготовить, матрас. Раньше не было матрасов, катили из шерсти кочмы таки большие. Вот она должна приготовить одеяло, подушку, вот эту по-*

стелю. Или она выговорит с жениха: «Ты мне пера достань, сделаем перину» (Том. Зыр.); Ну сосватали, невеста шьет, вяжет, у нее уже постеля заготовлена, приданое готовили девочке ешо (Том. Кож.).

3. Указывается ситуация приглашения девушек или старших родственников для подготовки приданого: Раньше невеста придано готовит. Девок к себе на посиденки собирают, девки шьют, вяжут ей всё (Том. Кож.); Подруг созывают, они ей всё помогают, приготовить придано (Том. Зыр.); Ну там эти, тетки помогли ей, сшить-то все, много надо было (Том. Пар.).

4. Наряду с указанием на время транспортировки приданого фиксируются свидетельства об участниках обряда, осуществляющих его перевозку и встречу: А до этого, пока они ездют венчаться или там в сельсовет, невестина родня привозит придано невестино к жениху. Ешишо невесты нету с женихом, а придано уже привезли. Вот их встречают; встречают, значит, ну всяко же люди-то жили: и богато, и бедно, и всё... (Том. Том.); Везут приданое невестино. Привозят, дарят. Свекровка принимает приданое (Том. Пар.); Приданщик, который везет невестино имущество, всё, что ей дали отец и мать, приданое (Том. Том.).

Символический компонент семантики лексической единицы *приданое* реализуется в контекстах, где представлена ситуация его предъявления, оформленная глаголами *казать*, *посмотреть* и пр.: На лошадях катаются, приданое кажут (Том. Пар.); Вот гости нарядились, идут по деревне, придано кажут (Том. Пар.); А, господи, а кода же это, а придано-то? А-а, за невестой-то кода приедут, а до взятия до невесты тут уже налаживают приданщиков, приданое складывают невестины там, у кого каки, у кого маленькие приданые, у кого больши. Вот надо ещё успеть сбежать, посмотреть, каки приданые у невесты (Том. Том.).

Демонстрация содержания *приданого* (сундука) является важнейшим этапом свадебного действия, которое сопровождается различными играми, акцентирующими внимание на его размерах: Постель, подушки и-и сундук большой. Сколько приданого, и там узлов сколько (ВС. Т. 5. 197); Ну а от венца привезут, поедут в церковь, повенчают, от венца везут к жениху. Сундук [с приданным] невесте накладывают большой, теперь везут этот сундук тоже: «Не пролазит во двери!». Опять подают [по рюмочке] (Том. Пар.).

Количество *приданого* является маркером состоятельности невесты и ее родителей. Его отсутствие, проявляющее бедность семьи, – фактор отступления от нормы, который маркируется выражением *идти замуж убёгом* (*бёгом*, *бегом*) – ‘тайком без согласия родителей’ (ВС. Т. 7. С. 110), без совершения свадебных церемоний: У кого был достаток, свадьбы делали, приданое богатое готовили, чтобы не стыдно было. А у кого не было ничего, убёгом убежали (Том. Кож.); Свататься приходили родители, ну и сватили. А моя мать ушла убёгом замуж. Папины родители были бедными, а мамы считались богаты, 120 голов скота у их было. Старшая сестра Феликита-то, она это потом за богатого вышла же, а мама навязала узелки, свое придано, а ее двоюродная сестра у нее принимала под окошечком-то,

и сундучок оказался пустой, она переносила узелками свое приданое. А когда мать открыли сундук-то, а там нет ничё (Том. Пар.).

Необходимо отметить, что символический компонент лексем *приданое* (*придано, приданы*) актуализируется в значении 'показатель благосостояния новой семьи, гарант благополучного начала семейной жизни': *Ну, приданое готовили, раньше всегда перина, ну и дарили скотину, корову, овец, чтоб начинали жить-то* (Том. Нар.); *А этот богатый дядечка дал маме корову. Как в приданое, ага. Вот с этого они начинали жить* (ВС. Т. 5. С. 368).

Итак, с учетом имеющихся реализаций символического компонента лингвокультурологический комментарий слов-символов выглядит так:

ПРИДАНОЕ, ПРИДАНО(Е), ПРИДАНЫ. Имущество, деньги, даваемые родителями (или другими родственниками) невесты семье жениха при вступлении в брак. В состав П. (= приданого)¹ обязательно входят предметы одежды, постельные принадлежности, домашняя утварь и живность, иногда – деньги. П. готовится невестой самостоятельно в течение долгого времени, также ей помогают подруги или старшие родственницы. Его доставляют в дом жениха родственники невесты или *приданщики*. Демонстрация П., его содержимого и размера, – обязательный эпизод свадьбы, С. (= символ) состоятельности невесты и ее семьи, а также благополучного начала семейной жизни.

Далее покажем, на основании каких данных в лингвокультурологическом комментарии в «Словаре сибирского свадебного обряда» появляется компонент «символизирует» (сокращенно – с.). Например, лексема *дно* (*донышко*) 'нижняя часть сосуда' привлечена в обряде для представления факта непорочности девушки. Наличие/отсутствие *дна* (*донышка*) обрядового сосуда с. (= символизирует) сохранение/отсутствие девственности – обязательного требования крестьянского коллектива, предъявляемого к невесте. Само же материальное воплощение части емкости, номинированной лексемой *дно*, отсутствует в ритуале, а остается только как факт речи и потому имманентно принадлежит сфере символического. Этим объясняется наличие признаков *бездонный* и *дырявый* у номинаций сосудов (стопка, рюмка/рюмочка и пр.). **ДНО (БЕЗ ДНА).** Нижняя стенка сосуда, его основание. Отсутствие Д. (= дна) у сосуда – С. (= символ) недевственности, порочности невесты. – *А который-то [жених] возьмёт. А который не возьмёт. Глядят, честна. Нечестна. Ваша дочь безо дна, стоит, хрупают, что безо дна. Дочь безо дна – в бездонную стопку родителям наливали* (Том. Зыр.); *Всяко было, если плоха – чугунка без дна* (Том. Кож.). **ДОНЫШКО** = Дно. – *Раньше-то построже было, а щас девкам-то свобода. Дружки, да полудружки, они хитры были. А кака ты выйдешь замуж, свободная [девственница], али нет. А на свадьбе-то матери с отцом рюмочку дыряву и подадут. Встревают-то жених с невестой, жених ей и подаёт рюмку-то.*

¹ В «Словаре сибирского свадебного обряда» в словарной статье используется сокращение заглавного слова. В тексте статьи в скобках слово приводится полностью.

А доньшко приклеит ей, а оно и отпадёт, мол, девка-то без доньшка (Том. Шег.) [11. С. 126].

Таким образом, номинация любого обрядового сосуда, лишённого *дна* (т.е. целостности), снабжённая признаком *бездонный*, символизирует невесту, утратившую девственность до свадьбы: **БЕЗДОННЫЙ**. Не имеющий *дна*. Бездонный сосуд (кружка, рюмка, стопка и пр.) с. (= символизирует) невесту, утратившую девственность до свадьбы. – *А после брачной ночи, если невеста худя, то родителей угощают из кружки с бездонным дном* (Том. Крив.); *А то ешо рюмку сделают безо дна!* «Бездонная рюмка, бездонная рюмка». *А потом и рассор в семье идет* (Том. Кож.); *Тогда если девка нечестная выйдет, бездонну рюмку берут. Позор какой родителям. Рюмку бездонную, знаешь, стыд какой* (Том. Кож.) [11. С. 27].

Семантику чего-л. (чаще всего любого сосуда), утратившего целостность, имеет и прилагательное **ДЫРЯВЫЙ**. Имеющий дыру, утративший целостность. Дырявый сосуд с. (= символизирует) невесту, утратившую девственность до свадьбы. – *Ежели хорошая [невеста], то тогда цветную бутылку. Если нет, то дырявую чашку* (Том. Кож.); *Если самостоятельна, то такую посудину хлестанут, а если не самостоятельна, то дырявые горшки* (Том. Молч.) [11. С. 133]. Таким образом, мы видим аналогичный комментарий разных лексических единиц, транслирующих одинаковый смысл. Заметим, что однокоренная лексическая единица-существительное, имеющая также семантику нецелого, не соединяется в сознании крестьянина с обрядовым сосудом. **ДЫРКА**. С. (= символизирует) невесту, вышедшую замуж не девственницей. – *Рассказывали, вот блин сворачивали уголком, и, если невеста нечестная, – уголок откусывали, и получалась дырка* (Том. Пар.) [11. С. 133].

Как было сказано выше, в основу лингвокультурологического комментария – формы представления культуроспецифических лексических единиц в «Словаре сибирского свадебного обряда» – положены данные живой разговорной речи крестьян, жителей Среднего Приобья. Исследовательская установка автора: только речь диалектоносителей является объективной основой для разворачивания комментария, именно ее факты становятся аргументом в выявлении символической семантики слова. Например, имеющиеся в распоряжении авторов материалы позволяют вступить в дискуссию с авторитетной работой – «Этнолингвистическим словарем свадебной терминологии Северного Прикамья» [8].

Рассмотрим, как представлено слово-символ *мясо* во второй части Словаря – «Справочнике свадебной символики Северного Прикамья» [8]: **МЯСО**. Обязательное в свадебной кухне мясо на свадьбе символически выступает как отголосок древнего обрядового жертвоприношения. Отсюда использование не просто мяса, а внутренностей животного – ливера, конечностей животных, языка и пр. <...> Последним блюдом свадебного угощения считали говяжий язык. <...> Сваренное или жареное мясо приносили на стол нерезанными кусками. <...> Известно и использование мяса (сырого) во вредных целях [8. С. 260].

В «Словаре сибирского свадебного обряда» лексическая единица представлена иначе: **МЯСО**. Часть туши животного, употребляющегося в пищу. Блюда из м. (=мяса) обязательно готовят для свадебного застолья, их подают на разных этапах проведения торжеств. – *На девичнике стряпали мясо сковородное, жарют поросятину, рыбу ставили, капусту, холодное. Курников на девичнике нет, супу не делали (Том. Том.); А свадьбы делали, народу стоко, что всех угостить надо. Мясо обязательно. На жарют свинину, скотское тоже, иногда в холодное накрутят. Целые сковороды были большии (Том. Зыр.); Раньше на свадьбе что? Пельмени, котлеты, голубцы, мясо тушёное, всё такое мясное, мясное, мясное (Том. Том.); Курник – это знаете, какой курник – он испечён из мяса. Щас покажу вот даже форму. Вот каки курники. Вот в такой форме [форма круглая, как для кекса, рифлёная]. Вот их стряпают из мяса, ага. Мясо нарежут, на жарют, с луком пережарют всё, а потом тесто. Вот в эту саму кладут тесто, потом это мясо, и значит рису туда, и сала, всё... И заклеивают его хорошо тестом – и в печку. Он там вот... пропуск. [А почему называют курники, если они из мяса, а не из курицы? Может, раньше из курицы делали?] Из курицы раньше не делали, нет. Раньше токо со свинины, делали и со скотским, вот (Том. Том.); Это не меньше, честно говорю. Ну у нас-то была, так дней пять, наверно, гуляли... Ну быка не хватало мяса. [Ого!] Ну а как же, вот щас человек девяносто или восьмисят надо накормить, а одно же я мясо не нарежу, примерно, у нас одно мясо положил, да и всё (Кем. Юрг.).*

Очевидно, что в материалах не прослеживается «отголоска древнего обрядового жертвования», не представлены случаи использования мяса во вредоносных целях. Зафиксированы лишь случаи реализации лексемы в высказываниях, описывающих бытовую ситуацию подготовки свадебного стола. Обрядовая семантика слова сохраняется, но не развивается до символической. Приготовление блюд *из мяса* во время свадебных празднеств информанты объясняют привязанностью периода свадеб к церковному календарю, о чем свидетельствуют иллюстрации словарной статьи **МЯСОЕД**. Период, когда по уставу православной церкви разрешается мясная пища и когда обычно играют свадьбы. – *А мясоед – молосный. В этот мясоед замуж выходили. До Масленки. Только тогда женились. Мясо едят и всё. А летом боже спаси (Том. Том.); Свадьбы только постом не играли, всё большие мясоедом. Свадьбу мясоедом играли, с осени от Дмитриева дня (Кем. Тяж.); А раньше свадьбы были только в мясоед (Кем. Юрг.); Сейчас идет Мясоед по-старому. Вот раньше гуляли свадьбы в этот мясоед (Том. Том.); Бывали в основном свадьбы после Рождества до масленицы. Мясоед был пять-шесть недель. Потом пост, тогда уже свадьбы делали в январе, феврале (Том. Шег.); А невесту надо выбирать в субботу – посмотреть, как она уборку делает. В воскресенье и только в мясоед свадьбу делали. Мясоед – мясо только едят (Том. Зыр.); Значит, едет в другу деревню, как у нас называлось после Рождества – мясоед. В этот мясоед тогда женились. Это после Рождества, после Нового года. После Нового года. Вот это уж это мясоед назывался, вот тогда все свадьбы делали (Том. Молч.).*

Символы, встречающиеся в обрядовом фольклоре, также чрезвычайно значимы для представления специфики обрядовой жизни сибирского крестьянства. Например, лексема **КРАСОТА**. Фольк. Цветы из воска, которые вплетались в косу невесты. С. (= символ) девичества. – *После чая невеста раздаёт подругам красоту. Девушки в это время поют: Красота, ты моя красота, / Красота ты моя девичья, / Не спушшу на эту красоту! Не на горы высокие, /А спушшу на эту красоту! На любезную подруженьку* (Том. Пар.). Рассматриваемая лексическая единица зафиксирована исключительно в фольклорных источниках и сопровождается в Словаре пометой Фольк. (= фольклорное), как и ряд подобных. Наше представление единицы в качестве символической опирается на авторитетный источник – «Справочник свадебной символики Северного Прикамья», в котором лексема подана так: «На свадьбе знак, символ девичества (в виде ленты, дорезца и пр.» [8. С. 78].

Аналогично в «Словаре сибирского свадебного обряда» подаются фольклорные лексические единицы, бытующие только как фольклорный репертуар свадьбы. **УТИЦА**. Фольк. С. (= символ). невесты – *Уж ты, утица, /Уж ты, утица, /Уж ты, сера перепелица. /Ты зачем рано с гнезда сошла? /Ты зачем рано детей свела? /Уж пошел дождь крупчатый, /Промочило тепло гнездышко* (Том. Пар.). Ср.: «Общепотребительная женская символика утки в свадебных песенных текстах проявляется в аналогиях этой птицы и невесты» [8. С. 302].

В номинации признаков особую роль играют колоративы, обнаруживающие в значении символический компонент. Рассмотрим в качестве примера номинацию *красный*. Чаще всего она связана с лексемами, привлеченными для описания ритуала определения «честности–нечестности» невесты: «Обрядовые метафоры чести, с помощью которых сообщается добрая весть о том, что невеста была девственна (*честная, хорошая, совестная, самостоятельная*), так или иначе варьируют мотив красного цвета» [15. С. 63–64]. В зависимости от исхода брачной ночи нравственность невесты оценивается при помощи слов-символов, отражающих норму (*красный* = кровь = девственна) – отсутствие нормы (*белый* = без крови = не девственна), т.е. реализуется символическая оппозиция «красное – белое»: *Если невеста самостоятельная, в красные ленты наряжают лошадей, а если нет, то белый платок повесят* (Том. Пар.); *Спать кладут [молодых], потом поднимают утром. Потом красными тряпками машут или белыми – всё было же* (Том. Том.).

Рассмотрим, какие номинации предметов красного цвета манифестируют факт невинности невесты. Это обрядовые слова, имеющие в своей семантике символический компонент:

а) лента (ленточка): *Если самостоятельная, то красная бутылка, красная лента* (Том. Шег.); *Тогда уж кругом красные ленточки навешают* (Том. Том.); *Лошадей наряжают в красные ленты и в цветы, если невеста самостоятельная, а если нет, то ещё и белый флажок повесют* (Том. Молч.); *Если невеста самостоятельная, то лошадь вся в красных лентах* (Том. Молч.);

б) платок (платки): *Прибегают все тогда, конечно. Дескать, подняли молодых. Рубашку-то завяжут в узелочек и вешают красны платки. Тогда выходят с рюмочками в руках* (Том. Том.);

в) цветок (цветы): *С постели подымали свахи. Если девушка плохая, то выставляют дно дырявое, если хорошая, то цветы красные, тряпки красные. Даже сейчас это было, до чудиков дошли. С светами и красными лентами, тряпками* (Том. Кож.);

г) веник, украшенный предметами красного цвета: *А после первой ночи молодуху крёстные поведут [в баню]. Да веник-то красным нарядут* (Том. Шег.);

д) обрядовые единицы, проявляющие символический компонент только в рамках обряда: *Невеста хорошая – перед гостями ставят бутылку вина, украшенную красным бантом. Если невеста плохая, ставят бездонную бутылку* (Том. Карг.); *Если плоха невеста. И никто с красным не проедет. Ну красный флаг, если девушка, тоже* (Том. Том.).

Красный цвет, доминирующий в убранстве лошадей, также символизирует непорочность невесты: *Кони все в красном – это значит невеста честная* (Том. Том.); *На конех наряжают красным, ежели добра выйдет невеста-то* (Том. Крив.); *Этот конь весь в красном – значит невеста честная* (Том. Мол.).

В свадебном же фольклоре *красный* – это постоянный эпитет в словосочетании «красна девица (девка)» в значении ‘красивый’: – *Свадьбишину песню им пела: «Вон на горе, на высоком сидела красная девица-душа, ой, там сидела красна девица-душа...»* (Кем. Ижм.); *Ты душа ли наша, душенька? / Ты душа ли, красна девица* (Том. Крив.); *Наша Галя испугалася, / По горенке заметалася. / Из горенки она в горенку, / К красным девкам под занавеску* (Том. Ас.); *За столами за дубовыми, / За скатертями браными / Сидели красны девицы* (Том. Пар.).

Итак, комментируем. **КРАСНЫЙ**. 1. Цвета крови. Окрашенный в этот цвет предмет (лента, платок и пр.), а также убранство свадебных лошадей с. (= символизирует) невинность новобрачной.

2. Фольк. Красивый, молодой. В свадебном фольклоре постоянный эпитет в словосочетании «красна девица (девка)» применительно к девушке брачного возраста.

Глагольные обрядовые единицы, как правило, указывают на манипуляции с предметами, номинации которых имеют символическую семантику, называют части свадебного ритуала. Например, ♦**КОЛЬЦА(Ы) МЕНЯТЬ**¹. Ритуальный обмен во время церковного венчания. Действие с. (= символизирует) скрепление брака. – *В церкви на коврик маленький поставят, обведут. Потом кольца меняют. Женихово кольцо попало невесте, так и отправляют* (Том. Зыр.); *А мы в церкви венчались, сейчас-то регистрируют, а*

¹ «Ритуальная мена – частый символический способ породнения, соединительный обряд, направленный на упрочение связей. Отсюда обязательное обменивание кольцами и подарками жениха и невесты» [8. С. 254].

нас по венчал, и кольца меняли там... И гуляли по-ранешнему не так. Гуляли праздник долго (Кем. Яшк.); В церкви кольца меняют – это обязательно (Том. Том.); Раньше не таки свадьбы делали... В кружок собирались, песни пели, сваты приходили. Меня просватали в декабре. Рукобитье делали. Обручание было. Гости были, кольца меняли (Том. Пар.); Раньше венчались. Потом идут на венец, кольца меняют. Венцы дают, водят три раза вокруг стола (Том. Шег.).

Как правило, перевод бытового значения акциональных слов в символическое происходит на основании называемого действия. Так, символическая семантика глагола *перегораживать* развивается на основе денотативного значения ‘образовывать преграду, загораживать поперек чего-либо’: *Перегораживают реку* (ВС. Т. 5. С. 58) и имеет символическую семантику ‘создавать границу для специального ее преодоления, что предполагает обязательный коллективный сценарий свадьбы’. Путь, который проезжает свадебный поезд жениха и невесты, символизирует переход из одного социального статуса в другой и являет собой пространственное воплощение такого перехода, который сопровождается преодолением ряда границ [16]. В материалах Словаря такими примерами являются следующие: *Я помню свою свадьбу – в семи местах дорогу перегораживали, пока везли меня от маслозавода, я ж там жила. В семи местах перегораживали дорогу (Том. Пар.); В ту пору на лошадях ездили, ничего другого не было. С собой банки браги брали и конфеты. Перегораживали дорогу, всем наливали и угощали (Том. Пар.); Дорогу перегораживали, да наливали всем. На улицу прям был вынесен стол, пока стояли, подпругу отрезали у нас. А на мосте. И в начале моста и тут вот. Выкупать невесту просят: наливают всем, детям конфеты, бражку свою возют (Том. Пар.).*

Приведенные иллюстрации демонстрируют механизм формирования символического компонента в значении глагольной единицы: в соединении со словом-символом *дорога* лексема *перегораживать* получает семантику ‘создание границ на пути следования свадебного поезда, невозможности дальнейшего его продвижения’ (подпругу, часть конской упряжи, специально повредили во время остановки поезда). Заметим, что в высказываниях нет свидетельств о том, чем перегораживали *дорогу*, указан лишь факт, что на месте остановки поезда предлагалось угощение с целью выкупа невесты и тем самым получения возможности дальнейшего продвижения поезда¹. Комментируем: ♦**ДОРОГУ ПЕРЕГОРАЖИВАТЬ**. Ритуальное действие с. (= символизирует) создание преград с целью их преодоления – получения выкупа за невесту и права на дальнейшее движение свадебного поезда².

¹ В «Этнолингвистическом словаре свадебной терминологии Северного Прикамья» **Дорога** = Дорогу загораживать [8. С. 52]. **Загораживать**. = Дорогу (свадьбу) загораживать (залаживать). Перегораживать путь свадебному поезду в день венчания с целью получения выкупа за невесту [8. С. 59].

² **Дорога**. Символизируя жизнь, жизненный путь, дорога воспринимается (ср. в связи с этим близость запретов: перед невестой нельзя переходить дорогу, иначе у нее могут быть тяжелые роды) [8. С. 225].

Итак, маркеры, манифестирующие в лексикографических трудах символическую семантику слова как «символ» и «символизирует», обязательны для словарей лингвокультурологического типа. Особенно это касается работ, построенных на материале говоров. Одна из задач их составителей – выявление имплицитно представленной символической семантики. Она носит узуальный характер и выступает как устойчивый, коллективный относительно конкретных ситуаций употребления «смысловый инвариант», используемый крестьянским сознанием в ходе осознанного отбора, обусловленного принципом ситуативной и контекстуальной уместности. Именно слова-символы, приобретшие узуальное символическое значение, определяют своеобразие национальной культуры и обязательно соотносятся с обрядовой жизнью крестьянского коллектива.

Лингвокультурологический комментарий, проявляющий символическую семантику в зоне словотолкования, полностью вытекает из конкретных диалектных высказываний, а его разворачивание базируется на реальной «жизни» обрядового слова, помещенного в «Словарь сибирского свадебного обряда». Подходы в представлении символической семантики могут стать основой для словарного описания других сфер национального дискурса – мифопоэтического, религиозного, идеологического и пр.

Источники примеров

ВС – Вершининский словарь / под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. Т. 5 : П. 501 с.; Т. 7 : Т–Я. 526 с.

Томский диалектный корпус. URL: <http://losl.tsu.ru/corpus>

Локальные пометы

Том. – Томская область; В.-Кет. – Верхнекетский район; Зыр. – Зырянский район; Карг. – Каргасокский район; Кож. – Кожевниковский район; Колп. – Колпашевский район; Крив. – Кривошеинский район; Молч. – Молчановский район; Пар. – Парабельский район; Том. – Томский район; Шег. – Шегарский район; Кем. – Кемеровская область; Ижм. – Ижморский район; Кем. – Кемеровский район; Л.-Куз. – Ленинск-Кузнецкий район; Мар. – Мариинский район; Юрг. – Юргинский район; Яшк. – Яшкинский район.

Список источников

1. Банкова Т.Б., Угрюмова М.М., Агапова Н.А. Константы русской народной культуры: языковые воплощения. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 200 с.

2. Банкова Т.Б., Калиткина Г.В. Лексикографическое описание обрядового слова: К постановке проблемы // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000. С. 128–143.

3. Тараканова Д.А. Символический компонент значения диалектного слова (на материале говоров Среднего Приобья) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 24 с.

4. Алексеев А.В. Символическое значение слова в этимологии и истории русского языка // Вестн. Брян. гос. ун-та. 2016. № 3. С. 106–111.

5. Андриевич И.Л. Коннотация как способ представления культуры в лексике семейных обрядов русских старожилов Иркутской области // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2010. Вып. 10. С. 107–110.

6. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Символ в системе культуры: Труды по знаковым системам. Тарту, 1987. Вып. 21. С. 10–21.
7. Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1995. Т. 1. 488 с.
8. Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Т.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Усолье ; Соликамск ; Березники ; Пермь : Перм. кн. изд-во, 2004. 360 с.
9. Словарь русских говоров Кузбасса (с дополнением) / под ред. Н.А. Баланчика, Н.В. Жураковской. Новокузнецк ; Красноярск : НФИ КемГУ: Полиграфическая компания «Sitall», 2018. 410 с.
10. Словарь детства: говоры Среднего Приобья (с лингвокультурологическим комментарием) / под ред. М.М. Угрюмовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. 200 с.
11. Банкова Т.Б. Словарь сибирского свадебного обряда. Т. 1: А–З. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. 200 с.
12. Алексеев А.В. Культурная значимость слова как предмет русской исторической лексикологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2022. 35 с.
13. Банкова Т.Б. О параметрах лингвокультурологического комментария в «Словаре сибирского свадебного обряда» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 5–20.
14. Банкова Т.Б. Об особенностях толкования лексических единиц в диалектном лингвокультурологическом словаре // Вопросы лексикографии. 2019. № 16. С. 76–91.
15. Кабакова Г.И. Полесская народная антропология: женский текст // Восточнославянский этнолингвистический сборник: исследования и материалы. М. : Индрик, 2001. С. 50–78.
16. Байбурин А.К., Левинтон Г.А. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990. С. 64–98.

References

1. Bankova, T.B., Ugryumova, M.M. & Agapova, N.A. (2017) *Konstanty russkoy narodnoy kul'tury: yazykovye voploshcheniya* [Constants of Russian Folk Culture: Linguistic embodiments]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Bankova, T.B. & Kalitkina, G.V. (2000) *Leksikograficheskoe opisanie obryadovogo slova. K postanovke problemy* [Lexicographic description of a ritual word. Towards the formulation of the problem]. In: Demeshkina, T.A. (ed.) *Aktual'nye problemy rusistiki* [Current Problems of Russian Studies]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 128–143.
3. Tarakanova, D.A. (2012) *Simvolicheskiy komponent znacheniya dialektного slova (na materiale govorov Srednego Priob'ya)* [The symbolic component of the meaning of a dialect word (based on the dialects of the Middle Ob region)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
4. Alekseev, A.V. (2016) *Simvolicheskoe znachenie slova v etimologii i istorii russkogo yazyka* [The symbolic meaning of the word in the etymology and history of the Russian language]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 106–111.
5. Andrievich, I.L. (2010) *Konnotatsiya kak sposob predstavleniya kul'tury v leksike semeynykh obryadov russkikh starozhilov Irkutskoy oblasti* [Connotation as a way of representing culture in the vocabulary of family rituals of Russian old-timers of the Irkutsk region]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 10. pp. 107–110.
6. Lotman, Yu.M. (1987) *Simvol v sisteme kul'tury* [Symbol in the cultural system]. In: Lotman, Yu.M. (ed.) *Simvol v sisteme kul'tury: Trudy po znakovym sistemam* [Symbol in the Cultural System: Works on sign systems]. Vol. 21. Tartu: Tartu State University. pp. 10–21.
7. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
8. Podyukov, I.A., Khorobrykh, S.V. & Antipov, T.A. (2004) *Etnolingvisticheskiy slovar' svadebnoy terminologii Severnogo Prikam'ya* [Ethnolinguistic Dictionary of Wedding

Terminology of the Northern Kama Region]. Usol'e; Solikamsk; Berezniki; Perm: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo.

9. Balanchika, N.A. & Zhurakovskaya, N.V. (eds) (2018) *Slovar' russkikh govorov Kuzbassa (s dopolnениem)* [Dictionary of Russian Dialects of Kuzbass (With additions)]. Novokuznetsk; Krasnoyarsk: Novokusnetsk Branch-Institute of Kemerovo State University; Poligraficheskaya kompaniya "Sital".

10. Ugrumova, M.M. (ed.) (2018) *Slovar' detstva: govory Srednego Priob'ya (s lingvokul'turologicheskim kommentariem)* [Dictionary of Childhood: Dialects of the Middle Ob region (with linguocultural commentary)]. Tomsk: Tomsk State University.

11. Bankova, T.B. (2018) *Slovar' sibirskogo svadebnogo obryada* [Dictionary of the Siberian Wedding Rite]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

12. Alekseev, A.V. (2022) *Kul'turnaya znachimost' slova kak predmet russkoy istoricheskoy leksikologii* [The cultural significance of the word as a subject of Russian historical lexicology]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.

13. Bankova, T.B. (2022) On the parameters of linguoculturological commentary in the Dictionary of the Siberian Wedding Rite. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 5–20. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/1

14. Bankova, T.B. (2019) On the Peculiarities of the Interpretation of Lexical Units in a Dialect Linguocultural Dictionary. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 16. pp. 77–91. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/16/5

15. Kabakova, G.I. (2001) Poleskaya narodnaya antropologiya: zhenskiy tekst [Polesie folk anthropology: women's text]. In: Plotnikova, A.A. (ed.) *Vostochnoslavyanskiy etnolingvisticheskiy sbornik: issledovaniya i materialy* [East Slavic Ethnolinguistic Collection: research and materials]. Moscow: Indrik. pp. 50–78.

16. Bayburin, A.K. & Levinton, G.A. (1990) Pokhorony i svad'ba [Funeral and wedding]. In: Ivanov, Vyach.Vs. & Nevskaya, L.G. (eds) *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoj dukhovnoy kul'tury: Pogrebal'nyy obryad* [Research in the Field of Balto-Slavic Spiritual Culture: Funeral Rite]. Moscow: Nauka. pp. 64–98.

Информация об авторах:

Банкова Т.Б. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tatabank@mail.ru

Тараканова Д.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: dashnik@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.B. Bankova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatabank@mail.ru

D.A. Tarakanova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dashnik@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.05.2023;
одобрена после рецензирования 12.08.2023; принята к публикации 07.03.2024.*

*The article was submitted 24.05.2023;
approved after reviewing 12.08.2023; accepted for publication 07.03.2024.*